

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Этическое учение
Блаженного Августина

Цель – анализ этических вопросов в учении средневекового философа Блаженного Августина.

План

1. Августин о том, как стать счастливым.
2. Августин о некоторых христианских заповедях.

Ключевые слова

Этика, моральная философия, высшее благо, счастье, бессмертие, нравственные добродетели, теологические добродетели, христианские заповеди.

Данная лекция посвящена анализу этических вопросов в философии Аврелия Августина, рассмотренных Энтони Кенни в восьмой главе его книги.

Как и большинство моралистов древнего мира, Августин основывает свое этическое учение на том, что каждый хочет быть счастливым, и согласно этому, задача философии – определить, что есть высшее благо и как его достигнуть. Если вы спросите двух человек, хотят ли они вступить в армию, говорит Августин в своей «Исповеди», один может ответить «да», а другой – «нет». Но если вы спросите их, хотят ли они быть счастливы, они оба скажут «да» без всякой нерешительности. Единственная причина, по которой они по-разному отвечают на вопрос о службе в армии, заключается в том, что один верит, что это сделает его счастливым, а другой – нет.

В трактате «О Троице» Августин рассказывает об актере, который обещал поведать зрителям в своем следующем выступлении, что было у каждого из них на уме. Когда они вернулись, он сказал им: «каждый из вас хочет купить дешево и продать дорого». Это было умно, говорит Августин, но не очень правильно – и он дает список возможных контрпримеров. Но если бы актер сказал «каждый из вас хочет быть счастливым, и никто из вас не хочет быть несчастным», тогда бы он попал в цель идеально.

Ветвь философии, которую греки называют «этикой», а латиняне – «моральной философией», – говорит Августин, – это исследование высшего блага. Это благо, которое обеспечивает стандарт для всех наших действий; поиски блага ведутся ради самого блага, а не как средства для достижения цели. Как только мы достигаем его, у нас есть все, что необходимо для счастья. До сих пор Августин не говорит ничего такого, что не было бы сказано классическими моралистами: он, следуя прецеденту, также отказывается от богатства, чести и чувственного удовольствия как кандидатов на роль высшего блага. Стоики, среди прочих, тоже придерживались подобного отречения и утверждали, что счастье заключается в добродетели разума. Однако они ошибались, думая, что одной только добродетели достаточно для счастья, и думая, что добродетель достижима без усилий человека. Августин выходит за пределы представлений всех своих языческих предшественников и утверждает, что счастье действительно возможно только в видении Бога в жизни после смерти.

Во-первых, он утверждает, что любой, кто хочет быть счастливым, должен желать быть бессмертным. Как мы можем считать, что счастливая жизнь заканчивается смертью? Если человек не желает терять свою жизнь, как он может быть доволен такой перспективой? С другой стороны, если он готов расстаться со своей жизнью, как она могла быть по-настоящему счастлива? Но если бессмертие необходимо для счастья, оно не достаточно. Языческие философы, утверждавшие, что душа бессмертна, придерживались перспективы печального цикла реинкарнации, говорит Августин. Только христианская вера обещает вечное счастье всего человека, и его души, и его тела.

Поэтому добродетель в нынешней жизни не равнозначна счастью: она есть просто необходимое средство для достижения цели, которая, в конечном счете, является потусторонней. Кроме того, как бы мы ни старались, мы не можем избежать порока без благодати, то есть без особой Божественной помощи, которая дается только для тех, кто выбран для спасения через Христа. Добродетели великих языческих героев, прославляемых время от времени в трактате «О граде Божьем», в действительности были только великолепными пороками, получившими награды в славной истории Рима, но не претендовавшими на истинное счастье небес.

Многие классические теоретики придерживались мнения, что нравственные добродетели неразделимы: тот, кто обладает одной такой добродетелью, действительно обладает ими всеми, а кто лишен одной добродетели, тот лишен всех добродетелей. Как следствие, некоторые моралисты считали, что нет степеней добродетели и порока, и что все грехи имеют одинаковую тяжесть. Августин отвергает эту точку зрения.

Мы все грешники, даже самые набожные христиане среди нас; но не все, что мы делаем, греховно. Мы все, так или иначе, порочны, но не каждая наша черта характера – порок.

Однако в нравственном учении Августина есть элемент, который имеет многие похожие последствия, что и языческий тезис о неразделимости моральных добродетелей. Это учение о том, что нравственные добродетели неотделимы от богословских добродетелей. «Что сказать, кто-то, кому не хватает добродетели веры, надежды и милосердия, не может по-настоящему обладать такими добродетелями, как мудрость, умеренность или смелость, – пишет Августин. – Действие, которое совершено без любви Божьей, должно быть грешным; а без веры – ни один человек не может иметь истинной любви к Богу».

Августин часто говорит, что добродетели язычников – это великолепные пороки: злое дерево не может приносить хорошие плоды. Иногда он готов признать, что тот, у кого нет веры, может совершать отдельные добрые поступки, так что не каждое деяние неверующих – это грех. Но даже если язычники могут сделать случайный добрый поступок, это не поможет им достичь окончательного счастья: лучшее, на что они могут надеяться, что их вечное наказание будет менее невыносимым, чем у других.

На протяжении долгой истории христианства многие должны были принять картину ужасного будущего, которое ждет подавляющее большинство человеческого рода. После срыва Реформации, Кальвин в протестантском лагере и Янсен в католическом лагере выдвигали видения еще более мрачного уныния; и в девятнадцатом веке Кьеркегор и Ньюман подчеркнули, как и Августин, насколько узкими были ворота, которые давали доступ к высшему благу конечного блаженства. Свежий оптимизм, характерный для многих христиан в XX веке, имел мало поддержки от традиции. Но это вопрос истории теологии, а не философии.

С философской точки зрения вклад Августина в частные этические дебаты представляют большой интерес, чем его общий взгляд на природу морали. Он написал много трудов относительно интерпретации трех из десяти заповедей: «не убий», «не прелюбодействуй», «не лжесвидетельствуй против ближнего своего».

В трактате «О граде Божьем» Августин определил для будущих поколений, как христиане должны толковать библейскую заповедь: «не убий».

Во-первых, этот запрет касается только людей. «Когда мы читаем не убий», мы не применяем это к кустам, которые не чувствуют ничего, ни к иррациональным животным, которые летают, или плавают, или ходят, или ползают, они не являются частью нашего рационального общества. Они не были наделены разумом, как мы, так и, по справедливому повелению Творца, их жизнь и смерть подчинены нашим потребностям» – пишет Августин.

Во-вторых, это не всегда неправильно для человека, сознательно забрать жизнь другого человека. Августин признает, что публичный судья может быть справедлив в предании смертной казни правонарушителя, при условии, что приговор выносится в соответствии с законодательством государства. Более того, говорит он, заповедь против убийства не нарушен «теми, кто вел войну за власть Бога».

Но как определить, когда война ведется с Божьей властью? Августин не тот, кто прославляет войну: это зло, которое должно быть предпринято только для того, чтобы предотвратить еще большее зло. Все люди за мир, даже войны ведутся только ради мира: ибо победа есть не что иное, как мир со славой. «Каждый стремится к миру во время войны, но никто не стремится к войне во время мира». С другой стороны, Августин не пацифист, как некоторые из его христианских предшественников, на основании евангельской заповеди «подставь другую щеку». Солдаты могут принять участие, в действительности, обязаны принимать участие в войнах, которые ведут государства в целях самообороны, или чтобы устранить серьезную несправедливость. Августин не объясняет условий «теории справедливой войны», которые разработали его преемники в Средневековье и в Новое время. Однако он ясно видит, что даже в простой войне хотя бы одна сторона действует греховно. И только государство, у

которого справедливость превалирует, имеет право приказывать своим солдатам убивать. «Если не будет справедливости, что будет представлять собой королевство, как не преступную группировку?». Тем не менее он готов привести исторические примеры войн, которые он считает божественно санкционированными: например, оборону Северной Италии против остготов, которая закончилась зрелищной победой имперского генерала Стилихона в Фьезоле в 405 году.

Как насчет убийства частными лицами в порядке самообороны или в защиту жизни третьего лица? Августин, похоже, не принял решение, было ли это законным, но в одном вопросе, по которому много спорят в эллинистической философии, Августин довольно тверд: самоубийство является незаконным. Заповедь «не убий» относится как к самому себе, так и к другим людям.

Этот вопрос был актуален, когда Августин начал писать «О граде Божьем», потому что во время разграбления Рима в 410 году многие христиане – мужчины и женщины – убивали себя, чтобы избежать изнасилования или порабощения. Августин утверждает, что никакая причина не может оправдать самоубийство. Самоубийство перед лицом материальных лишений – это признак слабости, а не величия души. Самоубийство во избежание бесчестия – такое, как у римлянина Катона, не желающего преклониться перед тиранией Юлия Цезаря – приносит только большее бесчестие. Самоубийство, чтобы избежать соблазна согрешить, хотя и является наименее предосудительной формой самоубийства, тем не менее недостойно христианина, который верит в Бога. Самоубийство, чтобы избежать изнасилования – действие, которое другие христиане, такие как Амвросий, рассматривают как героическое – подвергается еще более твердому осуждению Августина, потому что быть изнасилованным – не грех и не позор для подневольной жертвы.

Августин менее решителен в защите других прав человека, чем права на жизнь. Он спрашивает, насколько правильно пытаться свидетелей в суде для получения улик. Он красноречиво излагает зло, присущее этой практике: сторонний свидетель страдает, хотя сам не является правонарушителем; невиновный обвиняемый может признать себя виновным, чтобы избежать пыток, и даже когда жертва пыток действительно виновна, она может лгать и тем самым избежать наказания. В целом, боль от пыток несомненна, а доказательная ценность – сомнительна. Тем не менее Августин говорит в конце, что мудрый человек не должен отказываться от выполнения обязанностей судьи, как бы это ни было неприятно. Возможно, он не знал, что пытки были осуждены синодом епископов в Риме в 384 году.

Что насчет рабства? В отличие от Аристотеля, Августин не считает, что рабство – это что-то естественное. Это, по его словам, рабство – результат греха: и чтобы проиллюстрировать это, он приводит пример своеобразного рабства, которое Аристотель тоже считал аморальным, а именно порабощение побежденных победителями в несправедливой войне. Тем не менее он не дотягивает до прямого осуждения, в этом греховном мире, рабства как института: его удерживает от этого пример ветхозаветных патриархов, а также предписания Павла в Новом Завете к рабам повиноваться своим хозяевам. «Уголовно наказуемому рабству предписывается тот же закон, который предписывает сохранение порядка природы». Как часто, столкнувшись с трудноразрешимой социальной или политической проблемой, Августин ищет убежища в интернализации вопроса: лучше быть рабом доброго хозяина, чем своих собственных злых пороков, поэтому рабы должны делать все возможное для своих хозяев, а хозяева должны относиться к своим рабам ласково, наказывая их лишь во имя их собственного блага.

В вопросах сексуальной этики влияние Августина на поздних христианских мыслителей было самым глубоким. Его учение о сексе и браке стало, с небольшими модификациями, стандартной доктриной средневековой морали философов. Среди основных философов латинского Средневековья Августин был единственным, кто имел сексуальный опыт, кроме Абельяра, чья сексуальная история, к счастью, нетипична. В наше время Августин приобрел среди нехристиан репутацию женоненавистника с ненавистью к сексу. Недавние исследования показали, что эта репутация требует пересмотра, считает Кенни.

Это правда, что Августин является автором строгой христианской традиции, которая допускает секс только в браке, деторождение рассматривает как основную цель брака, и устанавливает косвенные ограничения на виды сексуальной активности, законные между мужем и женой. Но учение Августина гораздо менее враждебно к сексу, чем у многих его

современников и предшественников. Христиане, такие как Амвросий и Иероним, думали, что брак был следствием грехопадения, и что не было бы никакого секса в Эдемском саду. Августин утверждал, что брак был частью изначального Божьего плана для непогрешимого человека, и Адам и Ева, даже если бы они остались безгрешными, вступили бы в сексуальные отношения для размножения. Против подвижников, которые считали девственность единственным достойным вариантом для христианина, Августин написал в 401 году трактат, защищающий брак как законное и почетное состояние *De Bono Conjugali*.

Брак, говорит он, не греховен; это подлинное благо, а не только меньшее зло, чем блуд. Христиане могут войти в него, чтобы родить детей, а также наслаждаться особым общением, которое связывает мужа и жену. Брак должен быть моногамным и стабильным; развод не является допустимым, и только смерть может разлучить супругов. Поскольку цель продолжения рода – это то, что делает брак почетным, жена не должна предпринимать никаких шагов для предотвращения зачатия. Муж и жена должны уважать разумные просьбы друг друга о половом акте, если только это не запрос на что-то неестественное. Но когда необходимость деторождения удовлетворена, мужьям и женам не мешало бы воздержаться от общения и ограничить себя целомудренными товарищескими отношениями. Действительно, поскольку больше нет необходимости расширять человеческую расу – как в дни полигамных еврейских патриархов – пожизненный целибат, хотя это и не обязательно, более высокое состояние, чем супружество.

Для Августина брак – это институт, объединяющий неравных партнеров: муж – глава семьи, а жена должна подчиняться. Вряд ли он мог думать иначе, учитывая ясное учение Святого Павла. Он также считал, что мужское общение, обеспечиваемое академической или монашеской общиной, предпочтительнее общения между мужчинами и женщинами, даже в интимном браке. Но в рассуждениях о сексуальной морали он не действует с двойным стандартом, предвзятым в пользу мужчины. Предположим, говорит он, мужчина принимает временную любовницу в ожидании выгодного брака. Такой мужчина совершает прелюбодеяние не против будущей жены, но против настоящего партнера. Женщина-партнер, однако, не виновна в любом прелюбодеянии, на самом деле «она лучше, чем многие замужние матери, если, вступая в сексуальные отношения, она делала все возможное, чтобы иметь детей, но ее заставили предохраняться». Августин был также чувствителен к имущественным правам женщин: невозможно придумать более несправедливого закона, – говорит он, – чем закон римлянина Лекса Вокония, который запрещал женщине наследовать, даже если она была единственной дочерью.

Поскольку деторождение является священной целью секса, бесспорно, что только гетеросексуальный половой акт допустим. «Постыдные поступки против природы, подобные содомитским, должны быть ненавидимы и наказаны в каждом месте и каждый раз. Даже если все народы будут так поступать, они все равно понесут ту же вину по божественному закону, который не создал человеческие существа для того, чтобы они использовали друг друга таким образом». Император Феодосий издал указ о публичном сожжении мужчин, занимающихся проституцией.

Заповедь «не лжесвидетельствуй против ближнего своего» часто расширялся в христианских комментариях до более общего запрета, но вопрос в том, является ли ложь запрещенной при любых обстоятельствах. Так же, как Августин выступал против христиан, оправдывающих самоубийство во избежание изнасилования, он принял строгие установки против тех, кто оправдывал ложь во благо (например, чтобы скрыть тайны веры от любопытных язычников). Он написал два трактата о лжи, которую он определял как «произнесение одной вещи в словах или знаках, пока держишь другую в уме». Он отрицал дозволенность лжи, с намерением ввести в заблуждение. Естественно, ему приходится иметь дело со случаями, в которых, на первый взгляд, кажется, что хороший человек может солгать, чтобы поступить хорошо. Предположим, в вашем доме прячется невинный человек, несправедливо осужденный. Вы можете солгать, чтобы защитить его? Августин согласен, что можно попробовать остановить преследователей, но вы не можете сознательно лгать. «С помощью лжи, вы теряете вечную жизнь, вы никогда не можете лгать, чтобы спасти земную жизнь».

Хотя вся ложь ошибочна, для Августина не вся ложь одинаково ошибочна. Ложь, которая помогает кому-то еще, не причиняя никакого вреда, является самой простительной, ложь, которая приводит кого-то к религиозной ошибке, является самой злой. Ложная история, которую рассказывают, чтобы позабавить, без всякого намерения обмануть, это не совсем ложь, хотя это может свидетельствовать о прискорбной степени легкомыслия.

Таким образом, мы рассмотрели этические вопросы в философии Августина, в частности, вопросы о счастье и о некоторых заповедях христианства, проанализированные Энтони Кенни в восьмой главе его книги. В следующей лекции мы продолжим тему этики в философии Средневековья.

Вопросы для закрепления темы

1. На чем основано этическое учение Аврелия Августина?
2. Как связаны понятия счастья и бессмертия в учении святого Августина?
3. Какой элемент в нравственном учении Августина похож на языческий тезис о неразделимости моральных добродетелей?
4. Энтони Кенни утверждает, что с философской точки зрения вклад Августина в частные этические дебаты представляют больший интерес, чем его общий взгляд на природу морали. О каких частных этических дебатах говорит Кенни?
5. Как, с точки зрения Аврелия Августина, христиане должны толковать библейскую заповедь: «не убий»?
6. Что делает брак почетным, по учению Блаженного Августина?
7. Почему Августин считает, что не вся ложь одинаково ошибочна?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. Соколов В.В. Средневековая философия. – М.: Высш. школа, 1979. – 448 с.